

В очередной приезд в Москву мы навестили Караченцовых

СКЛИФОСОВСКОЕ
ИСПЫТАНИЕ

КОГДА «Магнитогорский металл» опубликовал интервью с женой Николая Караченцова, все – и знакомые, и просто читатели – просили продолжения. И все время спрашивали: как у него дела, чем они живут, могут ли я снова прийти к ним в гости?

В очередной приезд в Москву мы созвонились с Караченцовыми и навестили их. Это было в марте. Нам удалось увидеть не только Людмилу Поргину, но и самого Николая Петровича – провести с ними несколько драгоценных часов в их большой, но очень уютной кухне, в гостиной, полной портретов, фотографий...

Почему так долго готовился материал?.. Во-первых, после общения с такими людьми нужно время – для осмысления, приведения в порядок эмоций, чтобы объективность, так важная для журналиста, снова вышла на первое место. Во-вторых, Людмила Андреевна – очень открытый человек. В пылу беседы, доверившись нам, она говорила многое о многих: кто помогал или, наоборот, бросал, оставался другом или предавал – как вы понимаете, в рассказе преобладали известные имена. Как журналист, я понимала: эти откровения стали бы «бомбой» для любого издания. Но, как человеку, было гадко пользоваться открытостью Людмилы, которая – я очень на это надеюсь! – стала добрым нашим другом и в нашем лице – всего Магнитогорска. Когда материал уже был написан, мы долго вызванивали Людмилу Андреевну, чтобы вычитать его: мы обещали и обмануть эту великую женщину не могли. Но это и хорошо – думаю, наш отчет о мартовском визите к народному артисту России Николаю Караченцову и заслуженной артистке России Людмиле Поргине будет лучшим подарком великого артиста магнитогорцам ко Дню металлурга.

Их дом стоит в центре Москвы – две минуты от Пушкинской площади, прямо за чеховским МХАТом. Но дом строили не для актеров: кроме Караченцовых, здесь живут лишь дочка Владимира Спивакова и Константин Эрнст. Остальные соседи – члены правительства, к примеру, Илья Клебанов. Караченцовы переехали сюда в числе первых – и несколько лет жили в режиме постоянного ремонта. Сейчас в их доме тихо, спокойно и уютно.

Когда мы пришли, Людмила Андреевна кормила ужином своего мужа. Увидев нас, Николай Петрович радостно помахал нам рукой. Ох, как много он курит: воспользовавшись тем, что жена отвлеклась на гостей, он отправлял в рот сигарету за сигаретой. На замечание супруги лишь улыбнулся.

– Кока, не будешь меня слушать – я с тобой разведу.

ФОТО ЕВГЕНИЯ РУХМАЛОВА

– Хорошо, – ответил он хриплым голосом.

– Между прочим, вся недавность на меня записана, – резюмировала Людмила Андреевна, отобрав сигарету. – Делиться начнем – с чем останешься?

– С тобой! – тут же парировал он.

Лабрадор Эмили устроилась под ногами хозяйки, пытаясь погрызть ее тапки.

– Это что! – погладив собаку, говорит Людмила Андреевна. – Она у нас наркоманка: обожает грызть Колины газовые зажигалки и вынюхивать оттуда все.

– Людмила Андреевна, мы с вами не виделись полгода. Чем вы жили это время?

– Я жила Колей – его выздоровлением. Мы ездили в августе в Яун Кемери: замечательно провели время, отметили наш день свадьбы... Были почетными гостями на «Новой волне» в Юрмале – там была очень смешная ситуация. Мы приехали на фестиваль в день закрытия, опоздали – но концерт, к счастью, тоже задержали. Когда вошли в зал, народ встал и начал аплодировать Николаю Петровичу. А Алла Пугачева, стоявшая за кулисами, решила, что это Владимир Путин приехал, – она нам потом рассказывала. Чудный концерт: Филипп Киркоров, Игорь Крутой, Алла Пугачева... Игорь Яковлевич сказал, что мы для него теперь – символ фестиваля, так что на будущий год обязательно

должны приехать. Потом мы отметили 70-летие Иосифа Кобзона – правда, посетили только первое отделение концерта, потому что и оно закончилось в десять вечера, а у нас лекарства, режим... Но, даже посмотрев лишь половину, были поражены широтой творческого диапазона этого мастера: романсы, цыганские, военные, патриотические песни... Позже я пришла к нему в офис и буквально отобрала все сборники его песен – говорю: «Я вам антологию Колиных песен подарила, а где ваша?» И получила дарственную надписи и даже бутылку водки (смеется). После этого отпуска начался наш так называемый рабочий сезон: я прочитала книгу Натальи Бехтеревой «Мозг» и направилась туда лечить мужа.

– У вас теперь вместо художественной литературы – книги о мозге, я так понимаю?

– А как же! Православная литература и мозг. Правда, мне еще удалось съездить на десять дней в Арабские Эмираты, там я читала Бориса Акунина «Смерть на брудершафт» – практически за день проглотила. У него очень захватывающие сюжеты, правда, сейчас он стал хуже писать, на мой взгляд. Наталья Бехтеревой 84 года, но она выглядит и мыслит, как 34-летний человек. Почему я ей доверилась? – потому что видела парня, которого она вернула к жизни: травма у него

была еще хлеще, чем у Коли. Сейчас он в полном порядке, даже окончил военную академию. Правда, глаз один видит плохо, но это уж... Приехать сразу в ее клинику не получилось: в октябре мы три недели лежали в институте Склифосовского – опять в мозге делали дырочку, вставляли шунт и через всю кожу проводили его в брюшную полость.

– Это была плановая операция?

– Не совсем: он стал слабеть, выяснилось, что это послеоперационная гидроцефалия – скопление жидкости в голове, и мы тут же легли в Склиф. После шунта Николай Петрович чувствовал себя превосходно – делал зарядку, долго гулял... Но, поскольку нам пришлось снизить дозу лекарств, у него начались судороги – и это опять «откинуло» нас назад. Снова звоню главному хирургу Крылову, снова реанимация... Но мы и это выдержали. Потом нас закрутила череда юбилеев, а потом похорон: Дима Брянцев, Саша Абдулов...

– Я смотрела сюжет о Дмитрии Брянцеве – когда он пропал без вести. Николай Петрович, тогда еще в добром здравии, очень переживал эту трагедию.

– Это был наш ближайший друг. Когда Дима пропал, Коля был просто убит – он сразу включился в работу, был в курсе расследования... А потом с ним произошло несчастье, и нам пришла телеграмма

с одной фразой: «Держись, Пендос!» – так Колю называл только Дима Брянцев. Я, вся в слезах, показывала Коле эту бумагу: мы до последнего надеялись, что он жив, но потом нашли его тело – в Чехии его убил партнер по бизнесу. А потом Саша Абдулов (долго молчит, сглатывая слезы)... В центре Натальи Бехтеревой нам сделали инфузию: катетер вставляют в сонную артерию и через нее в течение двадцати дней без перерыва – и днем, и ночью – капает лекарство. А лежать курить Коле неудобно, поэтому он почти бросил. Я уж было обрадовалась, но врачи сказали мне, что у курильщиков скапливается мокрота, в результате чего может наступить пневмония, отек легких – это конец. И нужно либо постоянно выкачивать эту жидкость, либо снова закурить. Представляете, какие мучения пришлось испытывать Коле? Он ругался, хрипел: «Что вы делаете – я же человек!» Я, разумеется, не вытерпела и снова дала ему сигареты.

– Все эти двадцать дней вы были рядом?

– Разумеется, но я все-таки попросила врачей хотя бы о получасовом перерыве в сутки. Специально для Николая Петровича были закуплены катетеры, которые можно отключать, потому что это ведь сонная артерия – не дай бог, рванет, и вся кровь выйдет фонтаном за десять минут. До 11 вечера я сидела с Колей,

потом спала в соседней палате до семи утра – в это времяazole него дежурила медсестра. Утром я его поднимала, делала массаж спины, водила по коридору, мыла, одевала во все чистое, он курил, завтракал... Я преклоняюсь перед Бехтеревой – она гений. Об одном попросила: живите подольше. Она рассмеялась и ответила: «Вы думаете только о своих меркантильных интересах». Она была очень довольна результатом: от удара у Коли были атрофированы некоторые сосуды, и мы смогли их раскрыть, напиток лекарством – улучшение должно наступить. Я понимаю, что будет проходить это очень медленно: пока они работают, соединятся с другими сосудами – снова задействует цепочка... Конечно, Коле было чрезвычайно трудно вынести эти дни без движения, но я объяснила: никто в мире не способен предложить нам лечение – только реабилитацию. А тут, в Питере, нашем любимом городе, где когда-то начался наш роман, предлагают уникальную методику лечения! Конечно, не всегда, чего греха таить, Коля держался молодцом, но врачи сказали, что он – уникал: и по тому, как стойчески все перенес, и вообще, что выжил с такой тяжелой травмой мозга.

– У вас ведь внуки – о них забыли на это время?

– Я старалась проводить с ними столько времени, сколько могла. Андрюша (он был назван в честь отца Людмилы Поргиной. – Прим. авт.) со мной выдерживал пост. Я ему мясо кладу, а он говорит: «Манечка, а ведь ты не ешь мясо». Я ему: «Ты ребенок, тебе бог позволяет». «Нет, – говорит он мне. – Я не ребенок, я человек». И ел только макароны.

– В связи с новым лечением вы живете новыми надеждами?

– Конечно. И мы уже через неделю заметили изменения: во-первых, глаза. У него было сонное состояние в последнее время, мозг быстро уставал. А тут глаз загорелся, он начал командовать: «Так, эту медсестру увольте! – она мне сигарету не дала!»

– Концерт, посвященный выходу антологии песен Караченцова, на котором вы присутствовали, так и не показали по телевизору. Сейчас готовится концерт к 40-летию творческой деятельности Николая Петровича. Его мы хоть увидим?

– Это было очень неприятно: его обещали показать 27 октября – в День рождения Николая Петровича. Но ответственная за это женщина долго водила нас за нос: мы оплачивали счета, я осталась с таким долгом! Потом наш друг, тоже телевизионщик, сам поехал к ней. Выяснилось, что запись испорчена: звук, свет – все брак! А такой теплый, душевный концерт был... В общем, бог ей судья...

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Окончание в следующем
субботном номере.